

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА**

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

на правах рукописи

Кирьянова Елена Анатольевна

**Образы Карла I Стюарта в политической полемике
начального периода Английской революции**

**Раздел 07.00.00 – Исторические науки
Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (средние века)**

АВТОРЕФЕРАТ

**Диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

**Москва
2011**

Работа выполнена на кафедре истории Средних веков и раннего Нового времени Исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Научный руководитель:

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Средних веков и раннего Нового времени Исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
Ольга Владимировна Дмитриева

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (университета)
Олег Федорович Кудрявцев

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
Анна Юрьевна Серегина

Ведущая организация:

кафедра истории древнего мира и средних веков факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета

Защита состоится «__» _____ 2011 года в __ часов на заседании Диссертационного совета по всеобщей истории при Московском Государственном Университете им. М.В. Ломоносова.

Адрес: 119992, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, МГУ, Исторический факультет, аудитория А-416.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27.

Автореферат разослан «__» _____ 2011 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат исторических наук,
доцент

Никитина Т.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Объект исследования.

События 40-х – 60-х гг. 17 в. в Англии привлекают внимание историков на протяжении веков, не прекращаются попытки объяснить, каковы были причины и последствия одного из самых грандиозных кризисов в британской истории. На данный момент подъем переживают исследования в области политической культуры эпохи, в частности, коммуникации королевской власти с населением, зарождения «общественного мнения» в ходе революции. Интерес в рамках разных общественных наук (социологии, антропологии, политологии) к репрезентации власти отдельных правителей и политических режимов неуклонно возрастал на протяжении второй половины XX – начала XXI в. Изучение образов монархической власти, способов их создания и эволюции также является весьма актуальным направлением в историографии.

Необычная ситуация глубокого политического кризиса и соперничества двух политических сил привела к значительным изменениям традиционного образа монарха и появлению его многочисленных вариаций. История Английской революции именно в такой перспективе только начинает исследоваться, что позволяет увидеть ускользавшие от внимания предшествующих исследователей моменты трансформации английской политической структуры, представлений современников о власти и ее легитимности, рассмотреть широко известные события под иным углом, уточнить и расширить наши познания в области политической культуры этой переломной эпохи. Принимая во внимание то, что в середине XVII в., по словам Дж. Соммервилля, произошла «информационная революция»¹, данное исследование оказывается на стыке изучения более общей сферы политической культуры, интеллектуальной истории, истории публицистики и книгопечатания Английской революции и Раннего Нового времени вообще и репрезентации власти монарха.

¹ *Sommerville J.* The news revolution in England. Cultural dynamics of daily information. New York, Oxford, 1996.

Объектом данного исследования стали образы Карла I в политической полемике начального периода Английской революции, преимущественно в печатных текстах и отчасти в визуальной сфере.

Цель и задачи исследования. Целью диссертации является проследить эволюцию образов короля, создаваемых в роялистском лагере, определить их место в политической печатной полемике и влияние на политическую культуру эпохи. Для достижения этой цели необходимо разрешить ряд вопросов, составивший задачи исследования. Представляется необходимым проследить, каким образом и когда начался обоснованный идеологический отпор теории божественного права королей со стороны парламента, и какое выражение он нашел в политической образности. В связи с этим, был рассмотрен спектр образов королевской власти и его изменения в данный период. Одним из существенных вопросов в рамках данного исследования стала попытка определить момент, когда королевский образ начал меняться под давлением критики монарха его противниками, и как это происходило. В связи с этим, необходимо показать, каковы были основные составляющие этого образа до начала революции, проследить их изменение и обнаружить новые черты образа короля. Для этого представляется необходимым выделить этапы этой эволюции и выяснить, в какой степени они совпадали или не совпадали с общей периодизацией данной эпохи.

В какой зависимости находились образы королевской власти и способы их создания, насколько радикально они изменились, когда начался политический кризис? Какие из них оказались наиболее востребованными в годы гражданской войны? Когда произошел тот поворотный момент, после которого критика короля стала настолько ожесточенной, чтобы приобрести радикальные очертания, массовость и, в определенной степени, морально подготовить победу парламентской армии? Подобная постановка вопроса не утверждает, что памфлетная полемика решила исход Английской революции или сыграла основополагающую роль в поднятии боеспособности

«круглоголовых», но представляет собой попытку определить, каким образом это повлияло на политическую метафорику, проследить ее эволюцию.

Хронологические рамки исследования. Диссертация охватывает период с отъезда Карла I из Лондона в феврале 1642 г. до начала первых успехов парламентской армии в 1644 г., с неизбежными экскурсами как в довоенный период, вплоть до коронации 1626 г., так и в более поздний, вплоть до окончательного пленения и казни короля в январе 1649 г. Подобные хронологические рамки связаны с серьезными переменами в политической обстановке и в политической культуре этого времени: в первом случае они связаны с символическим «разрывом» короля со столицей и парламентом. Во втором случае, речь идет не о каком-либо весомом с точки зрения политической символизма шаге, а о политической теории, поскольку указанный период совпал с окончательной формулировкой теории парламентского суверенитета, что органично завершило начатый «разрывом» период. Именно в этот сравнительно небольшой промежуток времени происходит настоящий идеологический «взрыв», начинают формироваться новые политические представления, генезис которых я попыталась проследить в рамках данного исследования.

По этой же причине в работе не затрагивался целый ряд важных в смысле их символичности событий и явлений – сдача короля в плен, его бегство, посмертный культ, представляющие собой тему для отдельного исследования. Особо следует оговорить используемую в исследовании периодизацию Английской революции: хотя речь идет о начальном ее этапе, я не подвергала анализу период с созыва Долгого парламента до отъезда короля из Лондона, т.к. тогда конфликт еще вызревал, и, несмотря на бурную дискуссию, не выходил за рамки традиционного политического дискурса. Такие широко и основательно изученные способы репрезентации власти Карла, как изображения на монетах и медалях, его образы в роялистской

художественной литературе, также остались за пределами проблематики данного исследования. Это ограничение связано не только с невозможностью «объять необъятное»: визуальная составляющая королевского образа в революционный период стала крайне незначительной по сравнению со временами «единоличного правления», более того, политическая культура Английской революции вообще основывалась на печатном слове, тексте, в гораздо большей степени, чем на изображении. Их изготовление занимало длительное время и требовало немалых усилий, что также отодвинуло визуальный «компонент» королевского образа на второй план, сделало его в критический период 1640-ых гг. маргинальным.

Источниковая база исследования. При работе над диссертацией использовались полемические сочинения, законодательные документы, нарративные и материальные источники.

Ограничение рамок исследования было predeterminedено многочисленностью и разнообразием источников. В изучаемый период традиционные, основанные на ритуале и церемониях способы создания образа короля оказались не столь действенны: острый политический кризис, перешедший в гражданскую войну практически лишил короля возможности использовать их как прежде. Источники, дающие представление о придворной жизни в Оксфорде с ноября 1642 по 1646 г., крайне скудны, в пропарламентской прессе этого времени периодически встречаются насмешки над ее «убожеством»², впрочем, без особых подробностей, зато печать становится нешуточным оружием в руках роялистов в борьбе за привлечение населения в свои ряды.

Одним из основных средств создания образа Карла I в период революции был печатный текст. Метафоры, описывающие монархическую власть, характеристики короля его сторонниками, полемика по поводу государственного устройства, затронувшая и интересующий нас предмет, -

² Mercurius Rusticus (October 1643). L., 1643; Certaine informations (30 October – 6 November 1643). L., 1643; The malignants lamentation. L., 1645. P. 13. Об этом см. *De Groot J.* Space, patronage, procedure: the court at Oxford, 1642 – 1646 // *English historical review.* V. CXVII. № 474. 2002. P. 1204 – 1227.

все это воплощалось в текстах разных жанров, как правило, имевших полемический характер. Большинство использованных при написании глав второй и третьей текстов входят в так называемую «коллекцию Томасона» или «трактаты Томасона» - первое и одно из крупнейших собраний памфлетов 1640 – 1650-ых гг. На данный момент коллекция находится в Британской библиотеке и недоступна читателю из-за ветхости содержащихся в ней книг, в связи с чем я пользовалась отсканированными копиями подлинников из электронной базы данных раннепечатных английских изданий Early English Books Online.

Коллекция была создана в то же самое время, когда происходили события, которым, в основном, посвящены «трактаты» - буквально сразу же после выхода в печати их покупал Джордж Томасон (ок. 1602 – 1666), книгопродавец, державший лавку во дворе собора св. Павла. Он собирал эту коллекцию более 20 лет, с 1640 по 1663 г., в общей сложности она составила, включая печатные издания, манускрипты и газеты, 22.255 экземпляров, переплетенных в 2.008 томов. Коллекция Томасона отражает весь спектр существовавших в то время политических убеждений, чем представляет большую ценность для нашего исследования.

Большинство текстов, в связи с особой остротой дискуссии, публиковалось без указания имени автора или только с его инициалами, появлялись своеобразные «фикции», когда под именем известного автора публиковались другие люди или владелец памфлета излагал на титульном листе свои догадки относительно его авторства. Эти неточности были отчасти связаны с исчезновением цензуры после упразднения Звездной палаты в 1641 г. Несмотря на попытки парламента поставить печать под свой контроль, продолжалась нелегальная публикация и продажа сочинений роялистов и приверженцев радикальных сект. Поскольку все это происходило подпольно, и часто предпринимались попытки скрыть имя авторов и издателей и даже место публикации памфлетов, приходится с особой осторожностью относиться к их данным.

Одним из важнейших источников, дающих представление об образе короля, целенаправленно создаваемом роялистами, были королевские прокламации (законодательный источник) декларации и речи (нарративные источники), т.е. то, что можно обобщенно назвать «королевским словом», формально исходящим лично от монарха.

Не менее важным для создания образа короля жанром роялистской публицистики был, собственно, памфлет, к которому обратились виднейшие сторонники короля, в том числе и духовные лица, несмотря на то, что он относился к «низшему» разряду, считался несерьезным чтением. Памфлет принимал разнообразные формы: опубликованного письма (как подлинного, так и фиктивного), петиции, поэмы, теологического трактата. Особняком в этом ряду стоят проповеди. В исследовании использовались в основном тексты опубликованных проповедей, приуроченных ко дню восшествия Карла I на престол, поскольку их авторы неизменно рассуждали о короле и королевской власти.

Немаловажную роль в интерпретации образов королевской власти в этот период играют *материальные источники*. Помимо достаточно хорошо исследованных изображений на монетах, медалях, гравюрах, интересным источником, касающимся не только собственно роялистской пропаганды, но ее восприятия офицерами обеих армий, т.е. наиболее активными участниками гражданской войны, являются их флаги, крайне богатые символическим содержанием.

В данном исследовании использовался каталог военных флагов времен гражданских войн, вышедший под редакцией Э.Р. Янга. Книга является третьей частью многотомного каталога «Традиция английской эмблематики», - научного проекта университета Торонто, осуществленного под руководством П.М. Дэйли в 1980- 90-ые гг.

Главными источниками по церемонии коронации Карла I являются манускрипты, опубликованные в посвященном ей сборнике³, одним из

³ The manner of the coronation of King Charles the First of England / Ed. C. Wordsworth. L., 1892.

основных источников по истории ордена Подвязки, в том числе и в исследуемый мной период, является “Учреждение, законы и церемонии благороднейшего ордена Подвязки” Э. Эшмола. В качестве вспомогательных источников использовались мемуары, журналы палаты лордов и общин, отчеты венецианского посла в Англии Джованни Джустиниана, ряд документов в составе коллекции государственных бумаг (State Papers Domestic).

Степень научной разработки проблемы. Исследования по истории Английской революции многочисленны, их поток не иссякает, каждый год в разных странах мира выходят десятки статей и книг по этой теме. Изучение образов власти в этот период ведется весьма активно, количество посвященных им работ стремительно растет. В историографии событий 1640 – 50-ых гг., помимо возникающих время от времени новых предметов исследования, существуют несколько главных вопросов, на которые пытались и пытаются ответить историки, принадлежащие к разным школам: это, прежде всего, закономерность и неизбежность или случайность произошедшего в то двадцатилетие, и вытекающая отсюда проблема осмысления природы этих событий, за которой стоят попытки определить и их причины, и характер, и последствия. Представители некоторых направлений считают их революцией, другие (в определенной степени, дабы заострить дискуссию) предпочитают кларендоновское выражение «великий мятеж», на данный момент большинство англоязычных исследователей используют нейтральную фразу «гражданская война», «гражданские войны», или, более точно, «войны трех королевств», говоря о 1640-ых гг., а также «эпоха республики и протектората» - о 1650-ых.

Традиционно выделяется три основные англоязычные историографические школы: либеральная (восходящая к т.н. «вигской» историографии XIX в.), марксистская и ревизионистская. Сейчас в наибольшей степени распространены труды постревизионистов – достаточно

умеренных историков, не отрицающих закономерностей развития общества и признающих его многофакторность.

На 1980 – 90-ые гг. приходится повышенный интерес к политической культуре и интеллектуальной истории Английской революции, проявившийся в работах представителей разных исторических школ. К. Шарп придерживавшийся в начале своей научной карьеры ревизионистской точки зрения, немало написал о «ценностных установках» в политике представителей элиты, доказывая, что в предреволюционный период существовала единая политическая культура как для «двора», так и для «страны»⁴.

Особую роль в изучении политической культуры революции сыграло творчество Дж. Г. Э. Покока. Под влиянием «лингвистического поворота» в философии он изучал роль общего права с точки зрения юристов, философов и теологов, в политической культуре. Историк рассматривал эту проблему через призму «политического языка», вводя в оборот понятие «дискурса», набора речевых конструкций и метафор, в рамках которого развивалась политическая культура. Дж. Г. Э. Покок был одним из первых историков, использовавший метод «контекстуализма», т.е. изучения политических текстов в контексте литературы, философии, права, теологии, позволявший увидеть отдельные понятия политической мысли в значительно более широком смысле и пересмотреть многие сложившиеся представления о целях, намерениях и идеалах политических деятелей XVII в⁵. Покок, вместе с К. Скиннером и Дж. Данном стал основателем Кембриджской школы по изучению политической мысли XVII – XVIII вв., во многом основывавшейся на принципах логического позитивизма и философии обыденного языка.

⁴ *Sharpe K. Politics and ideas in Early Stuart England: essays and studies. L., 1989; Id. The personal rule of Charles I. New Haven and L., 1992.*

⁵ *Pocock J.G.A. The ancient constitution and the feudal law: a study of English political thought in the seventeenth century. Cambridge. 1957; Id. Politics, language and time: Essays on political thought and history. Chicago, 1989; Id. The Machiavellian moment: Florentine political thought and the Atlantic republican tradition. Princeton. 1975; Id. The varieties of British political thought, 1500 – 1800. Cambridge, 1993.*

Дальнейшее развитие получила история политической культуры Английской революции, в особенности, ее литературная и «языковая» сфера. Если собственно истории литературы этого периода уделялось немало внимания и ранее, это была, в целом, независимая от основных направлений в историографии Английской революции и новых философских течений тема, то такие связанные с ней вопросы, как роль читателя в восприятии этих текстов, книгопечатание как средство распространения информации, были напрямую связаны с философией герменевтики и постмодернизма и теорией информационного общества.

Проникновение этих идей в историографию происходило постепенно, оказывая влияние на уже существовавшие представления о роли текста в 1640 – 50-ые гг. и расширяя тематику исследований. Это позволило постревизионистам критиковать «преувеличение» ревизионистами «локальной автономии» графств: исследования коммуникативных практик продемонстрировало гораздо более значительный обмен новостями и интерес к происходящему в государстве жителей провинции⁶. Под влиянием «социологии текстов», изучавшей влияние материальной стороны книгоиздательства на распространение содержащихся в изданиях идей⁷, новое освещение получила история книгопечатания, торговли книгами и их роли в «подготовке» подданных Карла I к восприятию новых идей, а также в политической пропаганде обеих сторон в гражданской войне⁸. Механизмы цензуры и контроля над прессой, особенно сопоставление ситуации в этой области в периоды «единоличного правления» Карла I и революции, также стали объектом внимания историков⁹. Подход Дж. Рэймонда к истории прессы и развития журналистики в годы гражданских войн, представляет

⁶ *Cust R.* News and politics in early seventeenth-century England // Past and present. № 112. 1986. P. 60 – 90; *Sommerville J.C.* The news revolution in England. Cultural dynamics of daily information. New York, Oxford, 1996; *News, newspapers and society in Early Modern Britain / Ed. J. Raymond. L. and Oregon, 1998.*

⁷ См. прежде всего *McKenzie D.F.* Bibliography and the sociology of texts. L., 1986; *McGann J.* Critique of the modern textual criticism. Chicago, 1983.

⁸ *Cromartie A.D.T.* The printing of parliamentary speeches November 1640 – July 1642 // Historical journal. V. 33. 1990. P. 23 – 35; *Dobranski S.B.* Milton, authorship, and the book trade. Cambridge, 1999.

⁹ *Patterson A.* Censorship and interpretation: the conditions of writing and reading in Early Modern England. L. and Wisconsin, 1984.

собой широко распространенное с 1990-ых – 2000-ых гг. сочетание методов литературоведения и «социологии текста». Он исследовал развитие жанра и внешней формы «новостных листков» эпохи Английской революции, занявших, по его мнению, лидирующую позицию на рынке печатной продукции¹⁰, а также памфлетов¹¹, и их влияние на возрастающий спрос на «новости» и быстро выработавшуюся привычку людей к получению все большего объема информации. Помимо печатного и письменного способов «передачи информации» исследуется и традиционный, устный, роль которого в распространении «неблагонадежных» идей исследует Д. Кресси¹².

Особое внимание уделяется изучению текстов, в том числе, роялистских, в предыдущие годы остававшихся в тени «революционных» текстов, авторы которых сказали новое слово в политической мысли, теологии, поэзии¹³. Д. Норбрук и ряд других исследователей немало написали о политической тематике в поэзии этого времени и об особой «политической риторике», составлявшей часть «политического языка» эпохи¹⁴. Отдельные монографии были посвящены поэтам-роялистам, их мировоззрению и влиянию их текстов на политику и ее восприятие читателями¹⁵. Междисциплинарные исследования применяются и в этой области: попытки проанализировать тексты с точки зрения их исторического значения, а также филологии и, если издание было иллюстрировано или имелись изображения описанных в нем понятий и явлений, предпринимались многими историками и, что показательно, филологами, среди которых следует особо выделить Н. Смита¹⁶.

¹⁰ *Raymond J.* The invention of the newspaper: English newsbooks 1641 – 1649. Oxford. 1996; *News, newspapers and society in Early Modern Britain* / Ed. J. Raymond. L. and Oregon, 1998.

¹¹ *Id.* Pamphlets and pamphleteering in Early Modern Britain. Cambridge, 2003.

¹² *Cressy D.* Dangerous talk: scandalous, seditious and treasonable speech in pre-modern England. Oxford, 2010. См. *Kaplan M.L.* The culture of slander in Early Modern England. Cambridge, 1997.

¹³ *The English civil wars in the literary imagination* / Ed. by C.J. Summers and T.-L. Peabworth. Columbia and L., 1999; *Popular culture in seventeenth-century England* / Ed. B. Ray. L., 1988; *Sharpe K.* Criticism and compliment: the politics of literature in the England of Charles I. Cambridge, 1987.

¹⁴ *Norbrook D.* Writing the English republic: poetry, rhetoric and politics, 1627 – 1660. Cambridge, 1999; *Id.* Poetry and politics in the English Renaissance. L., 1984.

¹⁵ *Capp B.* The world of John Taylor the Water-Poet, 1578 – 1653. Oxford. 1994; *Potter L.* Secret rites and secret writing: royalist literature, 1641 – 1660. Cambridge, 1989.

¹⁶ *Smith N.* Literature and revolution in England, 1640 – 1660. New Haven and L., 1994.

В рамках историографии Английской революции обособилось изучение культуры и самосознания роялистов, их представления о политике, управление занятыми ими территориями¹⁷. Появились исследования, посвященные существованию королевского двора в Оксфорде¹⁸, однако проблематика придворной культуры и репрезентации королевской власти, которой посвящено мое исследование, требует отдельного рассмотрения. В связи с этим, я обращаюсь в своем исследовании к некоторым явлениям дореволюционной политической культуры, историография которой, в частности, такой ее составляющей, как репрезентация королевской власти, весьма богата.

Одной из главных политических церемоний европейских монархий была коронация. Интерес, связанной с ней, как и с рядом церемоний проблематике в Англии отмечается еще в трудах антиквариев XVII – XVIII в.¹⁹, и впоследствии проявляется в XIX в. в публикациях относящихся к ним рукописей обществами, занимающимися, в основном, историей церкви²⁰. Издателей, соответственно, интересовала литургическая составляющая коронации и, применительно к Новому времени, изменения в ней, связанные с Реформацией, серьезная полемика по этому вопросу разгорелась в начале XX в. между сторонниками «высокой церкви» и их оппонентами²¹. Так, обществом Генри Брэдшоу был опубликован коронационный чин Карла I, издатель которого К. Уордсворт, оставил к нему у основательные

¹⁷ *Daly J.* The implications of Royalist politics, 1642 – 1646 // *Historical journal*. Vol. 27. 1984. P. 745 – 755; *Newman P.R.* The King's servants: conscience, principle and sacrifice in armed royalism // *Public duty and private conscience in seventeenth-century England: essays presented to G.E. Aylmer* / Ed. J. Morrill, P. Slack and D. Woolf. Oxford, 1993. P. 225 – 242; *Raylor T.* Cavaliers, clubs, and literary culture: Sir John Mennes, James Smith, and the Order of the Fancy. L. and Toronto, 1994; *Smith D.L.* Constitutional royalism and the search for a settlement. Cambridge. 1994; *Wilcher R.* The writing of royalism 1628 – 1660. Cambridge, 2001.

¹⁸ *De Groot J.* Space, patronage, procedure: the court at Oxford, 1642 – 1646 // *English historical review*. Vol. CXVII. № 474. 2002. P. 1204 – 1227.

¹⁹ A complete account of the ceremonies observed in the coronations of the kings and queens of England. 3d edition. L., 1727.

²⁰ См. *Sturdy D.J.* “Continuity” versus “change”: historians and English coronations of the Medieval and Early Modern periods // *Coronations. Medieval and Early Modern monarchic ritual* / Ed. J.M. Bak. Berkeley. Los Angeles. Oxford, 1990. P. 228 – 246. *Banks T.C.* An historical account of the ancient and modern forms, pageantry and ceremony, of the coronations of the kings of England. L., 1820; *Maskell W.* Monumenta ritualia ecclesiae anglicanae. In 3 vols. L., 1846 – 1847.

²¹ *Thurston H.* The coronation ceremonial. L., 1902; *Eeles F.C.* The English coronation service: its history and teaching. Oxford, 1902; *Maclean D.* The great solemnity of the coronation of the king and queen of England. L., 1902.

комментарии, касающиеся соответствующих литургических изменений²². Несколько менее подробное (без сопутствующих документов), но поставленное в контекст предшествующих и последующих чинов переиздание коронационного чина Карла I вышло в сборнике Л. У. Легга²³.

Из наиболее известных исследований, касающихся в том числе и коронации Карла I, следует отметить «Историю королевской власти в Англии в свете коронации» П.Э. Шрамма²⁴. Помимо того, что это было первое всеобъемлющее и изложенное в хронологической последовательности исследование церемониала английской коронации, его автор одним из первых обратил внимание на ставшее для историков английской коронации в 1940-ых – 50-ых гг. самым «животрепещущим» вопросом – изменения коронационной клятвы²⁵. Одно из них, внесенное в ее текст при Якове I, стало впоследствии одним из самых серьезных обвинений, предъявленных архиепископу Лоду и Карлу, – об ограничении подчиненности короля только существующим на момент коронации законам, в случае их соответствия королевской прерогативе²⁶. Такой немаловажный аспект коронации, как проповеди, были изучены Д. Дж. Стерди²⁷. Весьма основательное (по крайней мере, в том, что касается XVII в.) исследование английских коронаций было предпринято известным историком политической культуры Англии Раннего Нового времени Р. Стронгом²⁸.

Коронация, как и другие способы репрезентации королевской власти, приблизительно до середины XX в. привлекала внимание отдельных крупных специалистов, в основном, медиевистов. Таким образом, стюартовские коронации оказывались, как правило, на периферии соответствующих исследований и затрагивались в основательных трудах,

²² The manner of the coronation of King Charles the First of England / Ed. C. Wordsworth. L., 1892.

²³ English coronation records. Ed. L.G. Wickham Legg. L., 1901.

²⁴ Schramm P.E. Geschichte des englischen Königtums im Lichte der Krönung. Weimar, 1937.

²⁵ Richardson H.G. The coronation in medieval England // Traditio. № 116. 1960; *Id.* The English coronation oath // Transactions of the Royal Historical Society, 4th ser. Vol. 23. № 131. 1941; Brückmann J. English Coronations, 1216–1308: The Edition of the Coronation "Ordines". Toronto, 1964.

²⁶ Schramm P.E. Geschichte des englischen Königtums. S. 218 – 219.

²⁷ Sturdy D.J. English Coronations in the Seventeenth Century // Herrscherweihe und Königskrönung im Frühneuzeitlichen Europa / Hrsg. von H. Duchhardt. Wiesbaden, 1983. S. 69 – 71.

²⁸ Strong R. Coronation from the 8th to the 21st century. L., New York, Toronto, Sydney, 2005.

охватывавших всю историю существования той или иной политической церемонии. Например, такой ритуал, как «исцеление золотухи» английскими и французскими королями, связываемый современниками с помазанием, существовавший и в Раннее Новое время, стал предметом изучения М. Блока в его книге «Короли-чудотворцы». Связывая расцвет теории божественного права королей и представлений о священстве их власти с абсолютизмом, основатель школы Анналов подчеркнул новое развитие этого обряда в XVII в., как в Англии, так и во Франции²⁹.

Особое место в историографии репрезентации королевской власти занимает труд Э.Х. Канторовича «Два тела короля», посвященный одному из понятий «политической теологии» - выделенной философом и юристом К. Шмиттом области исследований, посвященных применению (или подразумеванию) теологических концепций в политике, социально-экономической и культурной сферах³⁰. Подобная же тематика, хотя в намного меньших масштабах была затронута Дж. У. Гофом, в его пока что единственном исследовании такого нашедшего, подобно «двум телам короля», отражение в политической риторике XVI – XVII в. политико-правового понятия, как «цветы короны»³¹.

Особую роль в «потестарно-имагологических» исследованиях играли придворные церемонии и политическая культура, сложившаяся в рамках этого властного института. Во многом под влиянием труда Н. Элиаса «Придворное общество» и идей структурализма, англоязычные историки обратились к изучению этого явления в обществе Раннего Нового времени. Представления о придворной культуре и ее роли в создании образа правителя трудно представить вне контекста социально-политических исследований 1950 – 60-ых гг., в первую очередь, Дж. Элтона и концепции «тюдоровской

²⁹ Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии/ Пер. с фр. В.А. Мильчиной. М., 1998. (Первое издание – *Bloch M. Les rois thaumaturges: étude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre.* Strasbourg, 1924).

³⁰ Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. (Первое издание – *Schmitt C. Politische Theologie. Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität.* Berlin, 1922).

³¹ *Gough J.W. Flowers of the Crown // The English Historical Review. Vol. 77. № 302. 1962. P. 86 – 93.*

революции в управлении государством». По его мнению, двор в эпоху Генриха VIII перестал играть роль управляющей структуры, уступив место «новой бюрократии»³². С критикой этих идей выступил ряд историков – Д. Старки, К. Коулмен, Дж. Гай³³ – которые, подобно своим коллегам-ревизионистам, утверждали, что «революции не было», а двор со всей своей «архаичной» структурой продолжал играть ведущую роль в политике, что и повлекло за собой жесткое противопоставление «двора» и «страны». В контексте социальных и структурных исследований ревизионистами двора и придворной знати находятся и исследования немецкого историка Р. Аша³⁴, детально изучившего эти аспекты придворной жизни в своем труде, посвященном двору Карла I до начала революции³⁵. Таким образом, в рамках утвердившегося в историографии представления об огромной роли двора как института власти началось изучение раннестюартовских придворных церемоний.

Рутинный цикл придворных церемоний эпохи Тюдоров и ранних Стюартов, включавших, помимо собственно организации придворной жизни, маски, турниры, посольский церемониал и различные процессии, связанные с перемещением монарха по стране, стал предметом изучения целой плеяды историков. Одним из основоположников такого междисциплинарного подхода, включавшего методы литературоведения, искусствоведения, музыковедения, стала Ф. Йейтс. Истоки этого метода находились в штудиях «кружка Варбурга» - объединения интеллектуалов, включая философа-неокантианца Э. Кассирера, взгляды которого на природу символического оказали определенное влияние на исследования символики власти. Работа сотрудничавшей с институтом Ф. Йейтс, посвященная образу Елизаветы как

³² *Elton G.R. Tudor revolution in government. Cambridge, 1954.*

³³ *Revolution reassessed: revision in history of Tudor government and administration / Ed. D. Starkey and C. Coleman. Oxford, 1986.*

³⁴ *Princes, patronage and the nobility: The court at the beginning of the Modern Age / Eds. R.G. Asch, A.M. Birke. Oxford, 1991; Der Absolutismus – ein Mythos? Strukturwandel monarchischer Herrschaft ca. 1550 – 1700 / Hrsg. von H. Duchhardt und R.G. Asch. Köln, 1996.*

³⁵ *Asch R. Der Hof Karls I.: Politik, Provinz und Patronage 1625 – 1640. Wien, Köln, Weimar, 1993.*

Астреи³⁶, находится в контексте ее более общих исследований оккультных и неоплатонических практик и театра английского Возрождения³⁷.

Дальнейшее развитие эти поиски ренессансных черт в образе правителя получили в творчестве ее учеников Р. Стронга и С. Англо. В рамках этой тематики выдержана и работа искусствоведа Д. Ховарта «Образы власти: искусство и политика английского Ренессанса, 1485 – 1649»³⁸, рассмотревшего роль королевского меценатства в создании визуального образа монархов и членов королевской семьи династий Тюдоров и Стюартов. Междисциплинарные штудии в разных областях исторических исследований проявляются и в работах М. Сматса, одного из ведущих специалистов по придворной культуре стюартовского времени³⁹.

Основополагающую роль в изучении широкомасштабных церемониальных процессов Раннего Нового времени сыграли труды С. Англо, в первую очередь, его «Представления, процессии и политика первых Тюдоров»⁴⁰. В более кристаллизованном виде эта тематика предстала в его более поздней работе «Образы королевской власти в эпоху Тюдоров»⁴¹. За ним последовал труд Д. Берджерона, посвященный организации встреч монархов городскими общинами и церемонии вступления в должность мэра Лондона (т.н. шоу лорда-мэра)⁴².

Таким образом, способы репрезентации королевской власти, существовавшие в рамках придворной культуры при дворе Карла I достаточно изучены, что трудно сказать о периоде Английской революции. До сих пор создано немного исследований, в которых либо охвачены только 1640-ые гг., либо сравниваются образы королевской власти начала и

³⁶ Yates F.A. *Astraea: The imperial theme in the sixteenth century*. L., 1975.

³⁷ *Ead.* Giordano Bruno and the hermetic tradition. Chicago, 1964; *Ead.* Theatre of the world. Chicago, 1969; *Ead.* The occult philosophy in the Elizabethan age. L., 1979.

³⁸ Howarth D. *Images of rule: Art and politics in the English Renaissance, 1485 – 1649*. Basingstoke, 1997.

³⁹ Smuts M. *Court culture and the origin of a royalist tradition in Early Stuart England*. Philadelphia, 1987; *Id.* Public ceremony and royal charisma: the English royal entry in London 1485 – 1642 // *The first Modern society. Essays in English history in honour of Lawrence Stone* / Ed. by A.L. Beier, D. Cannadine and J.M. Rosenheim. Cambridge, 1989. P. 65 – 94; *The Stuart court and Europe: Essays in politics and political culture* / Ed. by M. Smuts. Cambridge, 1996.

⁴⁰ Anglo S. *Spectacles, pageantry, and Early Tudor policy*. Oxford, 1969.

⁴¹ *Id.* *Images of Tudor kingship*. Batsford, 1992.

⁴² Bergeron D. *English civil pageantry, 1558 – 1642*. Columbia (S.C.) and L., 1971.

«единоличного» правления Карла и времен гражданских войн. Одной из первых работ, в которых ставилась задача выявить основные тенденции в репрезентации власти Карла I, стала статья Дж. Ричардс 1986 г., вызвав дискуссию среди историков стюартовской эпохи⁴³. Она особо примечательна попыткой автора определить отношение самого короля к политике по созданию его образа, точнее, его индифферентность в этом вопросе. Такой подход, вместе со стремлением обобщить данные о тех ее методах, которые предполагали «общение с народом» - обряд исцеления золотухи, въезды – был попыткой указать на целенаправленность политики Стюартов в этой области, даже пропаганде.

Следует выделить сборник, посвященный образам Карла I, под редакцией Т. Корнса⁴⁴ - первое тематическое издание, в котором речь идет только о образах этого монарха – начиная с первых появлений на публике в бытность его принцем Уэльским⁴⁵ до культа «царственного мученика» в якобитской традиции⁴⁶. Вышли основательные исследования способов репрезентации республиканской власти Ш. Келси⁴⁷ и власти лорда-протектора Л.Л. Нопперс⁴⁸, однако работ, сфокусированных именно на образах власти монарха военного времени, практически не существует.

Образы Карла I на протяжении всего его правления были более детально исследованы в монографии К. Шарпа «Война образов: королевская и республиканская пропаганда в Англии, 1603 – 1660»⁴⁹. Автор привлек много источников разного характера, попытался охватить различные способы репрезентации королевской власти, но масштаб задач часто приводил его к несколько поверхностным выводам и недостаточно тщательному анализу источников.

⁴³ Richards J. "His nowe Majestie" and the English monarch: the kingship of Charles I before 1640 // Past and present. Vol. 113. 1986. P. 70 – 96.

⁴⁴ The royal image. Representations of Charles I / Ed. T.N. Corns. Cambridge, 1999.

⁴⁵ Corns T. Duke, prince and king // The royal image. Representations of Charles I / Ed. by T.N. Corns. Cambridge, 1999. P. 1 – 25.

⁴⁶ Knoppers L.L. Reviving the martyr king: Charles I as Jacobite icon // Ibid. P. 263 – 187.

⁴⁷ Kelsey S. Inventing a republic. The political culture of the English commonwealth, 1649 – 1653. Stanford, 1997.

⁴⁸ Knoppers L.L. Constructing Cromwell. Ceremony, portrait and print, 1645 – 1661. Cambridge, 2000.

⁴⁹ Sharpe K. Image wars. Promoting kings and commonwealths in England, 1603 – 1660. New Haven and L., 2010.

Научная новизна исследования. В диссертации предпринята попытка детального анализа содержания полемических текстов (по месяцам), постепенной эволюции королевских образов и стоящих за ними политических идей в очень сжатые сроки. Диссертант не стремился охватить большой период времени и обратить внимание прежде всего на произведения известных авторов, а сосредоточился на моменте окончательного разрыва короля с парламентом и первых лет гражданской войны с целью проследить по возможности все тенденции в развитии политической мысли и политической культуры этого периода, показав ее общую консервативность и как сравнительно быстрое возникновение радикальных идей, так столь же стремительные «откаты» от них. В отличие от ряда исследователей (К. Шарпа, Л.Л. Нопперс), в данном исследовании были привлечены не все возможные или наиболее знаковые и показательные источники по репрезентации власти правителя, а наименее изученные, но проанализированные максимально подробно, в политическом и источниковедческом контексте, сделана попытка определить переломный момент в отношении к королю и королевской власти в печатной полемике и, соответственно, зарождавшемся общественном мнении.

Методологическая база исследования. Эти посылки предопределили методику, используемую в диссертации: историко-филологический анализ текстов, использование методов вспомогательных исторических дисциплин (вексиллологии, нумизматики), отчасти искусствоведения и микроисторических исследований.

Практическая значимость исследования. Материал диссертации может быть использован в дальнейшем изучении политической культуры Англии раннего Нового времени, а также в образовательном процессе при чтении специальных курсов по истории Великобритании.

Апробация исследования. Ряд основных положений был изложен в выступлениях диссертанта на конференциях и круглых столах: «Имя, речь и церемония: как создается образ правителя» (Институт славяноведения РАН, 2009), «Придворная культура в эпоху Возрождения» (МГУ, 2009), «Ideals and Values in the Seventeenth Century» (Дарэм, 2010). Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры Средних веков и раннего Нового времени исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются выбор темы, актуальность и хронологические рамки исследования, формулируются его цели, задачи и объект, дается характеристика источниковой базы, методологических подходов, а также анализируется историографический контекст исследования.

Первая глава основана на материалах коронации Карла I, инаугурационных проповедей и церемоний ордена Подвязки, - весьма значимых, но не получивших еще детального исследования способах создания образа этого монарха. Основной тенденцией в репрезентации королевской власти, наметившейся в мирный период правления Карла I, было развитие различных граней теории божественного права королей, сформировавшейся в трудах Якова I и традиционно считавшейся «идеологической основой» английского абсолютизма. В первую очередь, к ним относится представление о «богоподобии» короля, включавшее в себя

понятие «смешанной персоны» монарха (т.е. о королевском «священстве», сакральных, наряду со светскими, функциях «королевской должности»), о короле как главном посреднике между Богом и людьми, ответственном за нисхождение божественной благодати на королевство.

Обращает на себя внимание и монологичность большинства этих способов репрезентации королевской власти – выделение и развитие тех аспектов ее образа, которые привлекали лично Карла I. В связи с этим показательна и статичность и, в какой-то мере, безликость этого образа, его отрешенность от текущих событий. Например, Карл не стремился подчеркнуть свою протестантскую набожность, несмотря на присущее ему благочестие. Его торжественность и возвышенность остались неизвестны большинству его подданных во многом благодаря его отвлеченности и абстрактности.

В первом параграфе первой главы анализируются основные черты королевского образа, нашедшие отражение в церемонии коронации Карла I и сохранявшиеся на протяжении всего его правления. То, что происходило 2 февраля 1626 г. почти не отличалось от предписаний коронационного чина Якова I, за исключением некоторых особенностей, главным образом, связанных с повышением роли духовных лиц в церемониале, изобилующем «арминианскими» деталями (коленипреклонением, возвращением к ряду не использовавшимся в течение длительного времени молитв, подчеркивающих власть короля как главы церкви, пышностью обряда, созданием «особого восточного» елея), и с большим литургическим акцентом на идее «смешанной персоны» короля, что нашло свое выражение и в других способах репрезентации его власти. «Политико-эстетические» вкусы короля также нашли здесь свое выражение, в первую очередь, его увлечение камерной театральностью, приведшей, с одной стороны, к расцвету жанра придворных масок, и, с другой, к социальной ограниченности репрезентации своей власти двором.

Отмена коронационного въезда в Лондон и коронации Генриетты-Марии довольно отчетливо выразила установки молодого короля в отношениях с Сити и «третьим сословием» вообще и с католиками, причем далеко не только и не столько со своими подданными, сколько с представителями иных государств. Полное пренебрежение давно сложившимися способами коммуникации с «народом» уже могло дать почву к размышлениям о «самоличном» принятии решений королем в соответствии не с важным в данном случае обычаем, а с произвольным «хотением», личной волей, а не фактически «государственной» необходимостью должной легитимации своей власти.

Подобная уступчивость по отношению к решениям королевы, независимо от их популярности или непопулярности за пределами двора, ее вызывающе независимая позиция стала первым шагом к закрепившимся за ним образом слишком мягкого в отношении своей настойчивой в отстаивании собственных взглядов и при этом инаковерующей королевы. Учитывая настрой населения, весьма ярко выраженный в необычно широкомасштабных торжествах и «народных гуляниях» по случаю его возвращения из Испании без невесты-католички, уже можно было бы сделать предположение о возможности потери королем его популярности в случае продолжения подобной политики.

Второй параграф первой главы посвящен королевским образам в опубликованных проповедях по случаю дня его восшествия на престол, позволяющих увидеть определенную политику в области репрезентации власти короля, желание ознакомить подданных с тем, что могла услышать только небольшая группа его приближенных. С другой стороны, не всегда проповеди отражали взгляды короля или были созданы ради этого. Даже в период личного правления Карла I проповедники могли критиковать политику монарха в какой-то области и высказать, прежде всего, свое мнение по поводу королевской власти. Таким образом, их нельзя отнести к способам официальной пропаганды (по крайней мере, до начала революции), хотя отраженные в них идеи могли совпадать с точкой зрения власть предержащих и весьма способствовать ее распространению.

В проповедях содержались определенные идеи, непосредственно очерчивающие образ монархии, а также и более конкретный образ персоны короля как человека. Что касается наиболее педантируемых их авторами понятий, то к ним относится, в первую очередь, посредническая роль короля между Богом и людьми, причем акцент делался на богоподобии короля, его почти непосредственной связи с ним. Это подчеркивалось и цитатами из Библии, и использованием лексики, связанной с изобразительным искусством: монарх представал либо отражением Бога, либо его портретом. Кроме того, королевская власть оказывалась абсолютной в том отношении, что заботы государя охватывали все возможные области жизни его подданных. Король непрерывно трудился и обеспечивал безопасность (что представлялось особо важным проповедникам) и благоденствие своего народа. Особо важной темой проповедей была необходимость послушания подданных королю, звучавшая во всех без исключения текстах этого жанра на протяжении всего правления Карла. Таким образом, опубликованные инаугурационные проповеди периода «личного правления» Карла I воплощают, развивают и популяризируют теорию божественного права короля, что позволяет несколько скорректировать устоявшееся представление о полной незаинтересованности этого монарха в формировании общественного мнения. В последних проповедях эпохи «единоличного правления» Карла I стало уделяться больше внимания его воинским качествам и физической силе, в связи с началом войны с Шотландией. Однако эта составляющая его образа возникла намного раньше и нашла свое отражение в идее рыцарственности монарха, более подробно рассмотренной в **третьем параграфе первой главы.**

Идеи иерархичности, упорядоченности государственного устройства, возглавляемого королем, который является источником этого порядка, нашли свое отражение в церемониях ордена Подвязки. В его рамках возник образ короля-рыцаря – Карла I привлекала в нем в большей степени идея благородства и элитарности, адресованная узкому кругу аристократии, и его собственная роль главы этого «общества избранных» и воплощения традиционных рыцарских

ценностей, чем идея воинской доблести и защиты «истинной веры», столь волновавшей умы его современников.

Карл I, придававший немалое значение церемониям ордена Подвязки, не был столь склонен к инновациям, как иногда утверждают некоторые исследователи: ему, скорее, импонировало возвращение к старым, забытым традициям и жесткое, подчас мелочное, им следование, как показывает вышеописанный посольский церемониал. Практически постоянно этот церемониал накладывался на какую-либо другую символическую систему, например, придворную или дипломатическую. Подобные наложения иногда приводили к несоответствиям между ними и конфликтам, как в случае с церемониальным обедом государя и кавалеров. Это действо при Карле I породило несколько конфликтных ситуаций: в 1627, 1629 и 1635 гг. в связи со спором о т.н. “преимуществе” (preeminence) одних дипломатов перед другими при исполнении церемониального приветствия короля и кавалеров ордена (в 1627 – между датским и голландским послами, в 1635 – шведским, французским и голландским). В 1629 г. имел место случай несоответствия ритуала приема посла перед его отправлением в свою страну и орденского церемониала, когда русского посла не допустили к столу государя, поскольку по правилам ордена он должен был сидеть один. В другом случае, в 1632 и 1633 гг. пришли в столкновение орденская и придворная иерархия по вопросу о праве людей более низкого социального статуса сидеть в церемониальных орденских головных уборах в присутствии знати, не входящей в состав ордена. Следует отметить, что если вопрос о “преимуществе” послов, которые сами пытались не допустить первенства других и, по возможности, добиться его для себя, во многом зависел от внешнеполитической ситуации и симпатий короля, то отмена приема за столом отъезжающего посла и помещение стола для служителей ордена в тот же зал, где происходил церемониальный обед самого короля, было связано с попытками Карла I возвысить орден Подвязки над любой существующей иерархией.

Карл I пытался, таким образом, привести в действие механизм соподчинения и взаимозависимостей короля и его рыцарей, столь характерный для придворных обществ этой и более поздней эпохи. Однако события гражданских войн разорвали эти сложные связи, о важности нарушения которых для современников свидетельствуют хотя бы отчаянные попытки короля заставить графов Эссекса и Холланда явиться на праздник св. Георгия и их столь осторожный и церемониально обставленный отказ подчиниться этому приказу, потребовавший обращения к традициям ордена Подвязки. Любопытной и заслуживающей дальнейшего исследования представляется игнорирование как Карлом I, так и его наследником в период изгнания этих нарушений и тщательное следование церемониалу в условиях, когда его исполнение казалось уже практически невозможным.

Во **второй главе** проанализированы образы Карла I в политической полемике во время т.н. «памфлетной войны» (январь – август 1642 г.)- период после отъезда Карла из Лондона до начала военных действий, в который происходила ожесточенная печатная полемика. **Первый параграф второй главы** представляет собой очерк политической ситуации периода «памфлетной войны». В полной мере проявилась острая необходимость легитимации власти монарха в условиях открытого и практически массового неподчинения ему. Ему немало способствовала политика парламента по созданию «черной легенды» о короле, которой посвящен **второй параграф второй главы**. Конфликт короля с парламентом ярко отразился в печати, что породило мало того, что резкое повышение объема печатной продукции (даже по сравнению с 1641 г., судя только по коллекции Томасона), но и совершенно иной стиль общения между монархом и его подданными – обезличенный и, отчасти поэтому, более резкий, склонный к преувеличениям и неслыханным до того обвинениям, то, что уже можно назвать пропагандой. Хотя ее элементы существовали и ранее, именно в период «памфлетной войны» с обеих сторон были отточены приемы дискредитации друг друга в глазах населения, а также опровержение взаимных инвектив. Следует отметить, что они в гораздо большей степени были освоены

парламентскими пропагандистами, чем королевскими, в связи с чем последние столкнулись с серьезной проблемой – в этот относительно короткий период возникла настоящая «черная легенда» о Карле, представлявшая его в многочисленных, почти ежедневно выходивших памфлетах и новостных листках покровителем «папизма», слабым, безвольным правителем, который не в состоянии противостоять своим «дурным советникам» и, более того, прислушивается к ним. Постепенно эти обвинения стали граничить с обвинениями короля лично в попустительстве и даже пособничестве им, хотя возложить вину за происходящее на него напрямую пока никто всерьез не осмеливался. Таким образом, и в вопросе, касающемся способов критики монархии, наблюдалась некоторая преемственность с предшествующим периодом, что, впрочем, можно отнести ко всем направлениям репрезентации власти монарха и откликов на нее, главное отличие состояло, скорее, в масштабе и смещении акцентов в создании образа монарха, как положительного, так и отрицательного.

В третьем параграфе второй главы речь идет о трансформации теории божественного права королей в новых условиях. Набор традиционных эпитетов и метафор продолжал циркулировать в формирующейся роялистской печати, но существовал и определенный их отбор, в связи с резким падением авторитета королевской власти в стране: акцент был сделан на законности этого права, в то время как до начала событий 1640-х годов она не ставилась под сомнение. Хотя восхваления монарха как «светила», определяющего «природные циклы» и дающего жизнь всему вокруг, снискающего благодать для всего королевства и продолжались, причем не только со стороны самого Карла и его ближайших советников, но и «лояльных подданных», не только его власть, но и ее образ был «низведен с небес на землю», чего опасались авторы «Ответа на Девятнадцать предложений». Король искал поддержки, что нашло свое отражение и в репрезентации его власти: тема диалога, причем предлагаемого самим венценосцем своим подданным, с трудом представимая, например, в проповедях, прочитанных в свое время Лодом, да и менее склонными к арминианству

священнослужителями, зазвучала в официальных прокламациях и инаугурационных проповедях. Носитель власти от Бога был вынужден искать иной опоры - в укорененности «королевской должности» в «древней конституции» королевства, защитником которой он начал себя провозглашать, и в преемственности со своими «славными предками», в особенности, с Елизаветой, подобно которой, он посвятил себя защите протестантской веры.

Реакция населения на эти изменения проанализированы в **четвертом параграфе второй главы**. Речи встречающих короля во время его въезда в Йорк в марте 1642 г. зафиксировали ряд собственно пропагандистских новшеств, что говорит об их эффективности и сравнительно быстром восприятии «верноподданными». Среди них акцент на наиболее выигрышных в момент уже начавшейся «смуты» элементах королевского образа: короле-труженике, защищающем интересы своих подданных, «царственном пахаре», заботящемся в поте лица своего о мире и процветании королевства. Монарх сравнивался с кедром, защищающим своей кроной «мелкий кустарник», берегом моря, сдерживающим безумие волн. Подобные сравнения и метафоры не были новы, но в применении их произошел некий смысловой сдвиг от безличного «блага королевства» к «благу подданных». Это же относится и к теме «мук», претерпеваемых государем, но если раньше речь шла о естественной тяжести королевских обязанностей, то теперь на первый план выступили «раздоры и несогласия» с собственными подданными, «терзавшими сердце» монарха. Он развивался в роялистской пропаганде и в определенной степени создал основу для появления образа «мученика», сначала претерпевающего тяготы, связанные с неблагодарностью и предательством «злонамеренных» в парламенте, подстрекающих «безумную толпу» к бесчинствам.

В **пятом параграфе второй главы** освещена ответная реакция в парламентской печати на пропагандистскую активность роялистов. В этой борьбе наиболее активно использовался способ «заимствования» у противоположной стороны «хвалебной» и «дискредитирующей» образности:

это проявилось наиболее ярко в отношении последней. Составители королевских прокламаций взяли на вооружение (правда, это произошло уже на завершающей стадии «памфлетной войны») образ «дурных советников», который был применен непосредственно к парламентариям, но отнюдь не всем, а к «разжигателям вражды» между королем и его народом – роялистский лагерь также избегал прямых обвинений в адрес парламента как такового, хотя и стремился обращаться к «народу» подчеркнуто непосредственно, в то время как парламентарии декларировали то, что именно они отражают его интересы. К этим же «заимствованиям» относились обвинения в попытке организовать интервенцию – в особенности, в этом упрекали Карла (после отъезда Генриетты-Марии речь шла о готовящемся нидерландском вторжении, в апреле-мае 1642 г. – о датском), но и король не оставался в долгу, обвиняя парламент в пособничестве шотландцам, хотя это было не столь действенно в силу того, что последние не были «иноземцами». Одним из самых важных пунктов пропаганды был религиозный вопрос – если парламентские публикации были переполнены более или менее прозрачными намеками на то, что король покровительствует католикам, Карл, опровергая эти инвективы, отвечал на них однозначным осуждением «сектантов», которые представляют не меньшую опасность для церкви и «истинной протестантской религии», чем католики. Однако все эти обвинения можно считать хотя и весьма весомыми в политической борьбе, но поверхностными и не содержащими какой-то глубокой и имеющей отдельное значение образности, их скорее можно назвать «ярлыками», которыми обменивались враждующие стороны, нежели «образами». Иначе обстояло дело с «похвалой», и ярким тому примером служит проповедь У. Холла: Полемика этого периода имела, таким образом, «зеркальный» характер, - в основном, эксплуатируя традиционные методы, она добавила немного новых составляющих в образ монарха.

Деятельность сторонников парламента по защите его привилегий и противостоянию роялистским идеям не ограничивалась только созданием отрицательных образов монарха, появлялись и «альтернативные» образы,

которые, в некотором смысле, «узурпировали» традиционные монархические, тем самым, подтверждая «зеркальный» характер пропаганды в этот период. Это нашло свое отражение в инаугурационных проповедях священнослужителей-сторонников парламента. Практически полностью повторяя аргументы в пользу «божественности» власти, они ставили на место короля, единственного ее светского носителя, магистратов, называя их «богами», обладающими особым властным достоинством, заостряя и углубляя тем самым кальвинистскую теорию «благочестивого магистрата», иногда полностью заимствуя традиционный образ короля «теории божественного права» и применяя его к «магистратам».

В обстановке спешных военных приготовлений особо выделился и стал востребованным архаизирующий образ короля как главы феодальной иерархии, которому посвящен **шестой параграф второй главы**. Если в период личного правления Карла он предназначался лишь для узкого круга членов ордена Подвязки, то весной 1642 г. он получил широкое распространение, с одной стороны, за счет призыва явиться на праздник св. Георгия ряда членов парламента, вызвавшего дискуссию и жесткую полемику о значимости нахождения рядом с королем или в парламенте на соответствующих постах одних и тех же лиц, так и в силу демонстрации верности своему «верховному суверену» тех, кто явился к «блуждающему двору» или в Йорк до и после этого конфликта. Кульминации он достиг в момент водружения королевского штандарта в Ноттингеме и объявления войны «мятежникам», нарушившим свои обязанности по отношению к своему сеньору, а отнюдь не «великому совету королевства». Этот важный с точки зрения политической символики гражданских войн эпизод подробно анализируется в **седьмом параграфе второй главы**.

Характерными чертами репрезентации власти монарха и роялистской пропаганды в этот период является резкое понижение роли ритуала – он присутствовал в традиционных ее видах, но то, что современники сочли нужным зафиксировать в записях, повествовало, как правило, не столько о

традиционном порядке, последовательности жестов того или иного из них, сколько о содержании речей, при этом произнесенных, содержащейся в них политической позиции автора, что сближало публикации «отчетов» о, например, въезде короля в город, с жанром памфлета. Образность, преобладавшая в этот период, воплощалась, в основном, в слове, в риторических приемах, что создает резкий контраст со временами личного правления Карла I, эпохой господства придворной культуры с очень сильной визуальной составляющей. Она уступила место демонстративным, пропагандистским жестам, таким, как отъезд короля из столицы и водружение штандарта в Ноттингеме и попыткам отстоять пошатнувшиеся позиции монархии, используя те же способы, что и противник – печатную пропаганду, что несколько упростило образ короля, но и позволило его создателям выделить наиболее значимые, четко обрисованные его составляющие в борьбе за «лояльность» подданных его величества.

Третья глава посвящена эволюции и кристаллизации образов Карла I в начальный период гражданских войн, 1642 – 1644 гг. В это время сохранялись основные черты королевского образа, как традиционные, существовавшие в эпоху «единоличного правления» Карла I и ранее, так и наметившихся во время «памфлетной войны».

В первом параграфе третьей главы прослеживается развитие образа «дурных советников» на протяжении первых лет гражданских войн, его использование обеими сторонами для взаимной дискредитации. В этот период поборники дела парламента продолжали достаточно умеренную критику Карла I, избегая прямых обвинений против него. Образ «дурных советников» короля получил новое наполнение: их круг далеко расширился за пределы клики «злонамеренных» придворных и включил в себя фактически всех сторонников короля, «кавалеров». Перелом в восприятии короля как их «жертвы» произошел после окончательного провала попыток перемирия в апреле 1643 г. Именно Карл стал называться «причиной и источником» незаконных действий его сторонников, все чаще предпринимались попытки доказать, что он сам является

«папистом», а не просто нетвердым в вере человеком, постепенно превращаясь из «пленника кавалеров» в их главу. С другой стороны, сами роялисты использовали риторику «дурного совета», но обратив ее против парламентариев. После перелома весны 1643 г. пропагандисты из королевского стана тоже заняли более жесткую позицию по отношению к парламенту: хотя они еще оговаривали, что во всем виноваты «злонамеренные коммонеры», парламент в целом обвинялся в попустительстве насилию и грабежам, узурпации королевской власти.

Второй параграф третьей главы посвящен понятию «суверенитета» и постепенно «выкристаллизовавшемуся» представлению о «государственной власти», их быстрому развитию и утверждению. Вокруг этих наиболее важных предметов, занимавших умы полемистов, выстраивались образы, конструировавшиеся на основе различных юридических и теологических понятий, известных задолго (иногда за много веков) до событий Английской революции. Фактически эти понятия были сформулированы и теоретически обоснованы в достаточно скором времени после начала гражданской войны, этому способствовали и принятие Священной Лиги и Ковенанта, созыв ассамблеи богословов в Вестминстере, и, не в меньшей мере, создание новых «инсигний», символизирующих суверенную власть парламента – все эти события пришлось на 1643 г. Несмотря на то, что в данную эпоху был сделан серьезный шаг к абстрактным политическим представлениям, они все еще воплощались с помощью традиционного языка политической культуры: различных телесных метафор, персонификаций, анализу которых посвящен **третий параграф третьей главы**. Так, оказалось, что «политическое тело королевства» может существовать со многими головами, а функции «священного», «никогда не умирающего» тела короля может исполнять его «великий совет». Парламент, коллективный орган государственного управления, «воплощался» в лице Давида, одного из «лучших царей Израиля», противопоставляясь при этом королю, «неправедному Саулу». Роялисты использовали тот же самый риторический прием, только в своих целях:

Давидом провозглашался Карл, а парламент – незаконно восставшим против собственного отца Авессаломом. Это противопоставление библейских персонажей активно использовалось с целью как оправдания, так и сакрализации власти обеих сторон. Важной фигурой в эпоху гражданских войн стал Моисей, фигура которого символизировала для обеих сторон избавление от рабства и обретение «земли обетованной». Парламент и король соперничали за «право» называться «Моисеем Англии», называя, соответственно, врага «Фараоном». Это был не единственный способ обвинения друг друга в тирании – в качестве иллюстрации «тирана» использовался целый ряд образов «дурных израильских царей» (применительно к Карлу), «восточных деспотов», «испанских королей» и «турецких султанов».

В четвертом параграфе третьей главы речь идет о символических и земных браке и семье короля, его образе «отца семейства» и «отца отечества». Идеализация любви королевской четы, их отношений, столь характерная для придворной культуры 1630-ых гг., в особенности, придворных масок, сохранялась и позже, став важным аргументом в пользу благочестия Карла. Его преданность супруге, стремление защитить ее и детей, характеризующие его, прежде всего, как человека, легко переносились и на его отношение ко всему государству, стране как семье, главой которой он является и о которой заботится должным образом.

Серьезную эволюцию проделали и такие важные составляющие образа Карла I, как рыцарственность, осмысленная через призму неокуртуазной культуры, роль которой в создании королевского образа проанализирована в **пятом параграфе третьей главы**. Карл не пытался подчеркнуть воинскую доблесть своих «вассалов», больше акцентируя понятия «верности» и «готовности служить» своему «сеньору», что нашло свое отражение и в событиях времен «памфлетной войны», апелляции к ним короля для привлечения на свою сторону ряда крупных политических деятелей. Кульминации он достиг в момент водружения королевского штандарта в Ноттингеме и объявления войны не парламенту, а «мятежникам», нарушившим

свои обязанности по отношению к своему сеньору. Отголоски этого события еще долго находили свое отражение в парламентской прессе, разоблачавшей «дурные намерения» явившихся под штандарт кавалеров.

Эти тенденции придворной культуры получили широкое развитие с началом гражданских войн, причем необходимость проявлять мужество на поле битвы стала педалировать гораздо активнее. Карл продолжал упорно соблюдать церемонии ордена Подвязки, посвящать в рыцари, его центральное положение в социальной и политической иерархии подчеркивалось разными способами (одним из наиболее действенных среди которых оказалась военная символика, проявившаяся в том числе в изображениях на знаменах), и во многом легла в основу появившегося в это время понятия «роялизма» и самоидентификации роялистов.

Шестой параграф третьей главы освещает изменения, произошедшие с образом короля, основанном на теории божественного права королей в военный период. В общем и целом, его основные черты продолжали воспроизводиться в роялистских текстах и на изображениях. Новой или, по крайней мере, не вполне характерной для предыдущего периода чертой этого образа короля стала абсолютизация его творческого начала, в котором он уподоблялся Богу: благодаря нему, по словам авторов проповедей, монарх создает различные объединения людей (нации, страны, колонии, компании) – так же, как Бог сотворил ангелов, животных, людей, а мятежники, сопротивляясь не только своему государю, но и Богу, тем самым выступают против божественного порядка и «деформируют акт творения». Тем не менее, на королевский образ все сильнее влияла общая тенденция к «популизму» королевской пропаганды, состоявшему в обращении почти во всех официальных документах, передававших «слово короля», «ко всей нации», или жителям определенных ее областей, городов и т.п. Ее создатели немного сменили тактику: наравне с утверждениями об ответственности короля только перед Богом появились и другие, хотя они встречались гораздо реже первых: дело короля «удовлетворить» и требованиям Бога и чаяниям народа.

«Милитаризация» как политического языка вообще, так и образа короля, в частности, усиление важности его образа как «защитника нации» отражены в **седьмом параграфе третьей главы**. Это представление получило новые смысловые оттенки, с началом войны став весьма уязвимым, оказавшись тесно связанным с обвинениями со стороны парламента в пренебрежении Карлом именно этой обязанностью, развязыванием войны и попустительстве «бесчинствам» кавалеров и «дурных советников». Кроме того, парламент заявил собственные претензии на эту роль, утверждая, что «защита короля и королевства» находятся в руках именно этого органа. В репрезентации власти Карла наметилась некоторая стратегия: она состояла в постоянных оправданиях, что, видимо, должно было продемонстрировать готовность короля «внимать жалобам» своих подданных и защищать их интересы, но имело и обратную сторону - фактическое признание правомерности обвинений со стороны парламента, которым роялисты яростно противостояли. Они стремились подчеркнуть героическую составляющую образа короля как «защитника нации», воплощавшуюся, в том числе, в риторике королевских деклараций и прокламаций. Тема «заботы о нации» была связана с идеей королевского самопожертвования и рачительности. Карл подчеркивал, пытаясь опровергнуть заявления в парламентских публикациях о массовых грабежах мирного населения, что средства на ведение войны, о которых он просил, должны быть исключительно пожертвованы добровольно, а не отобраны, он не собирается применять никакого насилия.

Способы сакрализации образа короля, существовавшие в рамках светской и духовной культуры роялизма, рассмотрены в **восьмом параграфе третьей главы**. Тема божественности власти монарха развивалась и в рамках антикизирующей, неоплатонической традиции придворной поэзии. Например, поэт-роялист Генри Глэпторн в небольшой поэме «Уайтхолл», опубликованной в марте 1643 г., называет королей «небесными созданиями», «лучшими божествами земли», которые, однако, подвержены превратностям «тиранической судьбы». Традиционные солярно-лунарные и вообще

космические метафоры находили свое выражение и в богословских текстах, защищающих королевскую власть. Государство уподоблялось в них космосу, король – главному светилу, делающему жизнь на земле возможной, и сообщающему свет всем остальным телам, что иллюстрировало тезис о королевском посреднике и единственном источнике власти прочих магистратов. Тема божественности королевской власти выражалась и буквально в сакрализации тела монарха, что, вероятно, помимо риторического имело и полемический смысл: если сторонники парламента все чаще вспоминали теорию «двух тел короля» (подробнее об этом выше), оправдывая противодействие его «физическому телу» и формально сохраняя лояльность «священному», роялисты подчеркивали «неделимость» королевской персоны и искусственность подобного разделения, «святость» как ее власти, так и тела.

Эта тематика неизбежно перекликалась с одной из наиболее важных «ипостасей» короля: защитника веры, которой посвящен **девятый параграф третьей главы**. Она получила особую актуальность в свете религиозного конфликта и в связи с этой же причиной, понятие «истинной веры» оставалось довольно размытым, будучи ориентированным на максимально широкую аудиторию. Сторонники короля апеллировали к тем его подданным, которых считали «умеренными» протестантами, хотя их главной задачей стало «возвышение» этого образа над теологическими спорами, его абсолютизация и признание всеми подданными в одинаковой мере, несмотря на их убеждения. Обосновывая свое «единоличное» право на выполнение этой функции, король применял такой часто используемый его сторонниками с момента его отъезда из Лондона прием, как «игнорирование» противника и его действий. В этом духе был сформулирован королевский приказ архиепископам и епископам «следить за использованием книги общих молитв» и наказывать тех, кто этого не исполняет, притом, что сам король согласился на отмену епископата и, фактически, арест епископов более года тому назад, и уже начался процесс Лода.

Важной чертой образа Карла, появившейся именно в период гражданских войн, стало его милосердие и миротворчество, которым посвящен **десятый параграф третьей главы**. С этими понятиями была тесно связана метафора «королевского сердца», употреблявшейся в роялистских текстах, когда речь шла о мире: она символизировала как сострадание короля к мучениям своих подданных, так и его нахождение в «центре политического тела». Он воплощался в лице «искусного врачевателя» «политического тела» страны, которым объявлялся Карл. В рамках получившей особую «университетскую» окраску культуры переехавшего в Оксфорд двора роялисты и король как их глава противопоставлялись их противникам не только как благородные, но и просвещенные и образованные люди, защитники учености, противостоящие «полуграмотным фанатикам» низкого происхождения. Образ Карла как «просвещенного монарха», покровителя наук, тесно переплетался с представлением о его милосердии. Король выступал как противник «варварской жестокости», в которой сторонники парламента упрекали кавалеров.

В **Заключении** подводятся итоги исследования и определяется значение исследованного периода с точки зрения политического символизма в общей хронологической канве Английской революции. При сохранении традиционной политической лексики, она наполнилась новым содержанием. Это нашло свое выражение в причудливых, «монструозных» телесных метафорах, описывающих «чудовищные» преобразования политического тела королевства. После казни короля они пришли к логичному завершению: для роялистов это тело было уничтожено, обезглавлено, королевство охватило затмение, которому не видно было конца. Несмотря на успех определенных составляющих роялистской пропаганды, традиционной политической лексике, действительно, не хватало изобразительных средств, чтобы выразить и, главное, объяснить для самих сторонников Карла II

причину их поражения и сложившуюся после официальной отмены монархии ситуацию.

Таким образом, в 1640-ые гг. крах потерпела теоретическая основа английского абсолютизма, восходящая к Средневековой теории божественного права королей, но, тем не менее, именно на ее основе, по ее образу и подобию, была выстроена теория парламентского суверенитета. Репрезентация власти Карла II, вернувшегося на английский престол, несмотря на подчеркнутую преемственность с правлением его отца, была основана на отдельных принципах теории божественного права королей, оказавшихся более жизнеспособными, но не на ней самой, окончательно ушедшей в историю. Так, образ монарха и пропаганда его власти демонстрируют тот водораздел, которым стала Английская революция для политической системы и, в особенности, политической культуры страны, подготовив ее переход в совершенно иную эпоху.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. ***Кириянова Е.А.* Орден Подвязки как средство репрезентации власти Карла I Стюарта // Средние века. Вып. 69. № 4. 2008. С. 92 – 119.**
2. ***Кириянова Е.А.* «Зримый образ Бога»: Королевская власть в инаугурационных проповедях в период «единоличного» правления Карла I Стюарта // Средние века. Вып. 71. № 3 – 4. 2010. С. 225 – 242.**
3. ***Кириянова Е.А.* Король и монархическая власть в инаугурационных проповедях в период Английской революции // Средние века (в печати).**
4. ***Кириянова Е.А.* Образы королевской власти накануне гражданских войн в придворной маске «Сальмакидова добыча» // Придворная культура Возрождения. Под ред. Л.М. Брагиной (в печати).**

5. *Кирьянова Е.А.* Роберт Коттон (статья, комментарии, перевод текста) // Историописание и историческая мысль западноевропейского средневековья. В 3 тт. М., 2010. Т.3. С. 325 – 343.
6. *Кирьянова Е.А.* Гловер, Роберт // Культура Возрождения: Энциклопедия. Отв. ред. Н.В. Ревякина. В 2 тт. М., 2008. Т. 1. С. 435 – 436.
7. *Кирьянова Е.А.* Дагдейл, Уильям // Там же. С. 518 – 519.
8. *Кирьянова Е.А.* Кемден, Уильям // Там же. С. 775 – 776.
9. *Кирьянова Е.А.* Коттон, Роберт // Там же. С. 835 – 837.